

ЛЕВИТСКИЙ А. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЛЕВИТСКИЙ (ЛЕВИЦКИЙ¹) Анатолий Афанасьевич, родился в 1894 в поселке Воткинский завод Сарапульского уезда Вятской губ. В 1919 — окончил Вятскую духовную семинарию. В 1919 — мобилизован в армию Колчака, служил делопроизводителем при штабе Воткинской дивизии; с армией эвакуировался с Урала в Сибирь. В 1922 — посвящен в сан священника, служил, служил в Никольском храме села Бачаты Беловского района Новосибирской области. Лишен избирательных прав. Женат на Надежде Николаевне Левицкой. 21 января 1933 — после тщательного обыска арестован и привлечен к следствию по групповому делу духовенства. В мае приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Сиблаг. В августе 1933 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<6 августа 1933>

«г<ород> Москва, Кузнецкий мост, дом № 24

Екатерине Николаевне² Пешковой.

з<а>к<люченного> Левитского
Анатолия Афанасьевича,
Ново-Сибирск<ое> ОГПУ,
стройгородок, ст<атья> 58
п<ункт> 10, срок 5 лет

Заявление

21 января 1933 года явился ко мне уполномоченный ГПУ Беловского района Фролков и произвел в моей квартире самый тщательный обыск. Им изъято было два наперсных серебряных креста (один мой, другой — моего покойного отца), серебряная дарохранительница-дароносица, непременная принадлежность всякого православного священника, фотографический аппарат и 600 рублей бумажными сов<етскими> знаками. При этом никаких документов, никакой компрометирующей переписки найдено не было, о чем был составлен акт в присутствии понятых свидетелей: пред<седателя> с<ельского> совета Петра Суходолова и Елисея Манульдова. По окончании обыска меня арестовали и отвели в районное арестное помещение, где в ужасных тяжелых физических и нравственных условиях мне пришлось жить в одном помещении с людьми деморализованными, закоренелыми преступниками, рецидивистами, ворами, разбойниками. При первом же допросе уполномоченный Фролков с угрозами требовал, чтобы я написал своей матери письмо с требованием присылки золотых часов и денег для спасения, обещая отпустить меня на свободу. Будучи подавлен тяжестью окружающей меня в арестном помещении обстановки и зная, что у моей матери никакой возможности, никаких металлических денег и, в частности, золота не имеется, я исполнил требования следователя. Моя мать, любя меня, для моего спасения готова даже была отдать жизнь свою, поэтому немедленно отдала свои золотые дамские часы, а золото и валюты не сдала, т<ак> к<ак> ее не имела. Конечно, несмотря на то, что часы были принесены, свободы я не увидел, вместо нее мне было предъявлено два обвинения:

1) хранение и сокрытие золотой валюты и ценностей,

¹ Так писалась его фамилия в материалах следственных дел.

² Ошибка в отчестве Пешковой Екатерины Павловны.

2) участие в вооруженной организации, ставящей себе целью борьбу с колхозами.

Основанием для предъявления первого обвинения послужила расписка доктора Выдрина, данная моему отцу <в> 1920 году в том, что от него, лежащего в то время на смертном одре Томской больницы, вышеуказанным доктором взяты золотые часы на хранение. Эти часы доктором Выдриным были утеряны и не возвращены. Мне странно даже было слышать из уст представителя советского правосудия, что на основании этой расписки я уже являюсь каким-то валютчиком. Как благочинный, православный священник и верующий христианин, я обязан оказывать помощь больным, находящимся в нужде, ссылке и т<ак> д<алее>. Я дал денег одному человеку, пришедшему из ссылки, а потом он мне их возвратил. Т<оварищу> Фролкову это обстоятельство угодно было истолковать, как дачу денег на покупку оружия для какой-то контрреволюционной организации. Мало того, Фролков требовал от меня сознания в том, что я вел агитацию против колхозов, устраивая при закрытых дверях и окнах собрания с кулаками. 17 января <в> с<еле> Челухово <в> доме священника Русанова, председательствовал и руководил собранием окружных священников, обсуждая планы борьбы с сов<етской> властью, для какой-то борьбы и взялся доставить оружие. Я категорически заявил тогда и это утверждаю теперь, что никаких тайных собраний с кулаками не имел, <в> селе Челухово 17 января 1933 года не был, а находился в своем селе <в> своей собственной квартире, что могут подтвердить прихожане того и другого села, а раз я в селе Челухово на собрании не был, то обвинение следователя является какой-то ужасной фантазией, от которой, к сожалению и прискорбию, мне приходится так тяжело страдать. От следователя Фролкова меня отослали в Ново-Сибирск и здесь <в> последовательном порядке допрашивали два следователя, сначала <нрзб.>, а затем Юрмазов. Здесь меня продолжали обвинять в том же. Не премину упомянуть то обстоятельство, что т<оварищ> Фролков указывал мне на документы из <нрзб.> аппарата некоего Иакова Пестерева, очутившийся <в> моих документах. Появление этого документа более чем странно, так как при обыске его обнаружено у меня не было, что засвидетельствовано актом уполномоченного при понятых. <В> Ново-Сибирске <в> качестве обвинения указывали на кучера священника Хлопотина и другого человека, фамилию коего я не помню, с которым никогда не разговаривал. Кучер священника Хлопотина, хотя у меня и был, но с ним разговоров о колхозе я не имел, т<ак> к<ак> он по приезде своем ко мне тотчас же был услан исполнять возложенные на него поручения, погрузить и привезти стекло. Несмотря на то, что я, находясь в здравом уме и твердой памяти, ни в чем не сознался и сознаться не мог, т<ак> к<ак> ни агитацией, ни организацией, ни закупкой оружия, ни хранением валюты не занимался, мне долгое время не предъявляли письменного обвинения, а приговор — заключение <в> исправительном лагере официально не объявлен и до сего дня. Полуофициально, после того, как пробыл <в> Ново-Сибирске я еще 2 мес<яца>, сообщили решение. Спрашивается, за что же я наказан так сурово? За время моего пребывания <в> лагере я окончательно утратил здоровье, у меня грыжа, отек и опухоль ног, порок сердца, туберкулез. От физической работы, как инвалид, освобожден и являюсь излишним бременем для лагеря. Моя жизнь становится в тягость себе и людям. Страдая без вины, все же хочу верить <в> право и справедливость свободной страны и прошу Вас, глубокоуважаемая Екатерина Николаевна, войти в мое положение и оказать мне покровительство и помощь к заключенному, подлежащему ведению комитета, предс<едателем> коего Вы являетесь.

6/VIII- 33 г<ода>.

з<а>к<люченный> Левитский.

Уважаемая Е. Н.!

Даю Вам слово, что ничего я против власти не замышлял и замышлять в будущем на свободе не намерен. Что же касается до тех ложных показаний, над которыми путем невероятных физических и нравственных страданий заставили подписаться, то я отныне категорически отказываюсь и отказывался и сообщал об этом <в> Ново-Сибирске.

6/VIII- 33 г<ода>.

з<а>к<люченный> Анатолий Левитский.

2 ячейка, 2 барак, Ново-Сибирский городок Сиблага»³.

Весной 1934 — Анатолий Афанасьевич Левицкий вновь просил помощи Помполита⁴. 30 сентября 1937 — арестован в лагере по групповому делу, 28 октября приговорен к высшей мере наказания и 3 ноября расстрелян⁵.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 922. С. 107-110. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1173. С. 27-38.

⁵ Архив Управления ФСБ по Кемеровской области.